

Ольга Займенцева

zmnc@yandex.ru

8 903 297 13 61

Пьеса

ПРЯНИЧНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

(об апокалипсисе в одной отдельно взятой семье)

Мать, Анна – 60 лет, молодая, еще привлекательная женщина

Отец, Михаил - 60 лет. Волосы седые, морщины на лице, выглядит старше своего возраста.

Дочь, Маша - 37 лет, стройная, маленького роста, выглядит гораздо моложе своих лет.

Прохожий – 30-35 лет, высокий, спортивного телосложения, красивый.

Сосед дядя Сеня - 70 лет

Сосед № 2 – 55 лет

Женя – 40 лет

Место действия загородный дом, сад.

На сцене белый экран. Появляется первая буква «М» и звук пишущей машинки. Невидимая рука выбивает слова, а женский голос озвучивает написанное: Мама. Папа. И я...

А точки в конце слов будут при отбивке звучать особенно громко, громче, чем сами слова.

1.

На сцене фасад загородного дома с тремя окнами. Два внизу, одно наверху в мансарде. У дома под навесом стоит обеденный стол и стулья. В центре сцены стул, на котором в купальнике сидит девушка, она загорает, закрыв глаза, расставив в стороны руки, вытянув ноги вперед и чуть расставив их.

К ней подходит женщина, это её мать.

МАТЬ. Доченька, ты обгоришь.

ДОЧЬ (*не открывая глаз*). Не обгорю, ещё минутку.

МАТЬ. Сейчас самое пекло начнется!

Мать надевает на голову дочери белую детскую панамку, девушка не сопротивляется, только отгибает полы панамы, чтобы открыть лоб.

Мать уходит в дом, задевая висящий в проеме над дверью маленький колокольчик. *На протяжении всего действия он будет звенеть во время открывания входной двери.*

Дочь встает, поворачивается спиной к зрительному залу, как бы подставляя солнечным лучам другую часть тела, разводит руки и ноги в стороны.

К ней подходит мужчина с пиалой, полной ягод, это ее отец. Он протягивает ей пиалу.

Издали слышны голоса играющих детей.

ОТЕЦ. Поешь малины, можно не мыть, ее никто не опрыскивал.

Дочь поворачивается к отцу, берет горсть ягод, закладывает ее в рот, жует.

ДОЧЬ. Сладкая, спасибо!

Она зачерпывает еще горсть и размазывает ягоды по лицу. Смеется.

ОТЕЦ (*улыбаясь*). Ты в своем репертуаре.

Отец заходит в дом.

Раздается стук в калитку и громкий мужской голос.

СОСЕД. Миша!

Калитка открывается, входит мужчина с обнаженным торсом. Живот у него огромный, из одежды только брюки с широкими штанинами. Из дома выглядывает отец.

СОСЕД (*удивленно, видя кроме Миши Машу*). Машка! я ж тебя вот такой помню, (*ладонью показывает ниже пояса, в районе паха*), шустрая девчушка была. Как ты? Семья? Дети?

ДОЧЬ. Детей нет, пока.

СОСЕД (*строго и наставительно*). Ты с этим давай кончай, они вон (*указывает на отца*) заждались уже! У меня уже трое внуков, сорванцы бегают. (*Обращаясь к Михаилу*) Разводной ключ куда-то задевали, дай свой.

Отец уходит в сарай за разводным ключом.

СОСЕД *(продолжает)*. Так вот, на чем я остановился? А, у меня трое внуков, вон сорванцы бегают, *(задумчиво)* разводной ключ куда-то задевали.

ОТЕЦ *(подаёт разводной ключ соседу)*. Хорошо, что зашел, помоги шкаф вынести.

Они вдвоем идут в дом. Из дома выносят буфет.

Ставят буфет у дома. В нем много всего: книги, проигрыватель, пластинки виниловые.

СОСЕД *(дочери бодро и бесцеремонно)*. Ты давай, давай, не откладывай, это дело такое хе-хе. Надо! Ну, я пошел, спасибо, Миш.

Сосед уходит с разводным ключом.

Сразу после его ухода вдалеке слышны детские крики и голос соседа.

СОСЕД. Я вам сейчас уши откручу, выродки! Кто это сделал, я спрашиваю!?

ПАУЗА.

ДЕТСКИЕ ГОЛОСА. Это он, он.

Слышен громкий плач ребёнка.

Отец и дочь начинают разбирать вещи в шкафу.

ДОЧЬ. Мне кажется, он сам себе рожает внуков, чтобы бить их.

Дочь разбирает книги, откладывает одни в одну стопку на полу, другие – во вторую стопку, отец выдвигает ящики бюро, достает стопку бумаг, читает их.

ОТЕЦ. Смотри, бабушкина записная книжка с рецептами.

Отец передает книжку дочери.

Дочь открывает, листает книжку.

ДОЧЬ. Бабушка обо мне не забывает и на том свете!

Вот и рецепт пряничных человечков оставила с пометкой для внученьки.

Ингредиенты: сахар, масло сливочное, яйцо куриное, мед, мука пшеничная, сода, корица, имбирь. Надо будет попробовать.

Дочь откладывает в сторону книжицу.

ДОЧЬ (*перебирая пластинки и перечисляя*). Вертинский, Шаляпин, Алла Баянова...

Дочь открывает прозрачную крышку проигрывателя, вставляет вилку в розетку (от удлинителя из дома), берет пластинку в картонном конверте, поднимает «лапку» с иглой, кладет пластинку.

ДОЧЬ. Вертинского послушаем?

Дочь опускает лапку. ТИШИНА. Она оставляет проигрыватель на полке.

ДОЧЬ. Не работает. Эх, такая экзотика, это шуршание я помню с детства. Такие приятные воспоминания.

Отец подходит к проигрывателю, пытается разобраться, почему он не работает.

Дочь открывает дверцы буфета, погружает голову внутрь.

ДОЧЬ. А в буфете пахло волшебно, нигде больше не встречала этого запаха, эксклюзивный был запах. Сейчас едва-едва уловимый. Отчего он был именно таким? Бабушка хранила в нем пряники, конфеты, специи. Ингредиенты неизвестны, поэтому я никогда больше не смогу восстановить этот запах из детства. Останется только воспоминание о воспоминании.

Детские, добрые, немного наивные

Воспоминания о тебе.

Яркие, длинные перья павлиньи

В вазе, на круглом столе.

Ветки засохшие с прошлого вербного,

Сахарный пряник за...

дверцей резной плена буфетного,

А за окном гроза...

Пластинки остались, бабушки больше нет, буфет выбросим или отдадим соседям, дом продадим...

ОТЕЦ. Мы не будем его продавать. Ты единственная наследница, он будет твоим.

ДОЧЬ. В этом доме было счастливое детство.

Скучаю по детству, хочется снова стать маленькой и забраться в этот шкафчик и захлопнуть дверцу, чтобы остаться там навсегда. Чтобы меня не трогал никто. Чтобы оставили в покое.

МАТЬ (*выходя из дома*). А кто тебя беспокоит? Никто тебя, кажется, и ничто не трогает. Живешь, как хочешь, никого не слушаешь.

ДОЧЬ. Я бы музыку послушала.

Отец снова опускает «лапку» на пластинку, но музыки нет. Он отходит от проигрывателя.

ОТЕЦ. На помойку.

Дочь уходит в дом, приносит муку, яйцо, сахар, миксер. Выдергивает вилку проигрывателя, вставляет вилку миксера, нажимает на кнопку. Миксер начинает звучно вращать лопастями. Она выключает его.

Дочь открывает пачку сливочного масла, помещает его в блюдо. Её действия проецируются на большой экран. Крупно ингредиенты и ее руки как в кулинарной передаче. Она комментирует свои действия.

ДОЧЬ. Бабушка пишет вот что: чтобы создать человечка, взбей миксером сливочное масло с сахаром. Взбивая, добавь яйцо.

Она включает миксер, взбивает масло, разбивает скорлупу яйца.

ДОЧЬ. Подмешай мед, взбей до однородности. Просей муку, добавь соду, разрыхлитель и корицу. Перемешивай, пока сухие ингредиенты не соединятся с масляным кремом. Теперь вымешивай тесто и делай из него шарик. Обматывай пищевой пленкой, ставь в холодильник.

Дочь скатывает шарик и уносит его в дом. Экран гаснет.

Отец и дочь сидят за столом, стоящим под навесом у дома. Мать накрывает на стол, ходит из дома к столу с тарелками, наполненными едой и приборами туда-сюда. Над дверью тихо позвякивает маленький колокольчик, мать то и дело задевает его головой.

ОТЕЦ (*обращаясь к дочери*). А что ж ты снова без Никиты приехала?

ДОЧЬ. Ему здесь нечего делать. Не любит он сюда ездить. Скучно ему.

ОТЕЦ. Невесело. А жениться собираетесь?

ДОЧЬ. Зачем?

ОТЕЦ. Чтобы семья была.

ДОЧЬ. У нас и так семья без штампов, без брака.

ОТЕЦ. Почему у вас нет детей?

ДОЧЬ (*меланхолично*). Зачем?

ОТЕЦ (*вздыхая, как бы, между прочим*). Тихо как.

ПАУЗА. Прислушивается к тишине.

ОТЕЦ. Сейчас по этой дорожке бегал бы ребенок, Тёмка или Гришка.

Радовал бы нас, лепетал бы что-то неразборчивое.

ДОЧЬ. Идиллическая картинка. А что будешь делать, когда он подрастет и начнет говорить вполне членораздельно то, что тебе не нравится? Орать на него, ругать? Унижать? Уничтожать? Только потому, что он думает не так как ты? Что будешь делать?

ОТЕЦ. Я буду любить его.

ДОЧЬ (*с вызовом*). Так же как меня любил?

ОТЕЦ. Так же как тебя... люблю (*пауза*) и даже больше...

ДОЧЬ (*ехидно*). Любил, но странную любовью.

ОТЕЦ (*спокойно и сдержанно*). Я учил тебя жизни.

ДОЧЬ. Жизни меня учила улица. И посторонние люди, к которым я шла, чтобы не идти домой.

ПАУЗА.

ДОЧЬ. Иногда они были нежны, иногда жестоки... Но никто из них не был так жесток, как ты!

Мать перестает ходить, садится, наконец, за стол.

МАТЬ. Давайте обедать уже.

Каждый кладет себе в тарелку еду, мать помогает, подкладывает дочери салат.

МАТЬ. Огурчики свежие, прямо с грядки.

ДОЧЬ (*как бы сама с собой*). Смотрите ка, любитель детей!

Отец, вонзив в кусок мяса вилку, не спешит отправлять его в рот.

Неожиданно он бросает вилку на стол, мать с дочерью вздрагивают.

ОТЕЦ (*громко*). Да, в конце концов, ты о потомстве думаешь!? Ты вообще-то подумала о нас с матерью? О продолжении рода?

ДОЧЬ (*раздраженно откладывает столовые приборы в сторону*). Ты совсем, что ли уже?! Что ты ко мне пристал с этим потомством!?

Каждый раз один и тот же вопрос!!! Я раз в год с тобой вижу, и ты не можешь нормально пообщаться со мной без скандала?

МАТЬ (*примирительным тоном*). Ты же единственная наша дочь. Мы волнуемся. Годы идут. Не успеешь оглянуться и сорок уже.

ДОЧЬ. И что? Не всем надо иметь детей! Как вам это объяснить? Некоторым не надо иметь детей совсем, никогда, ни при каких обстоятельствах. Потому что уроды моральных растут! Несчастные, загруженные всеми вашими социальными установками!

Многим родителям не нужны дети! А они рожают, потому что положено так. Или президент пообещал пособие, тогда они рожают еще и еще, первый, второй, третий!

Дочь, встав из-за стола, начинает вальсировать с воображаемым партнером.

ДОЧЬ. Раз, два три, раз, два три, раз, два, три...

МАТЬ (*примирительно*). Хотя бы одного надо! Обязательно надо хоть одного! Кто же принесет тебе в старости стакан воды? Мы беспокоимся, что ты будешь одинока, ты же одна, у тебя ни брата, ни сестры.

ДОЧЬ (*прекращает вальсировать*). Тысячи людей одиноки, имея детей! Для многих посторонние люди становятся ближе ближайших родственников. Ты думаешь, нашей Анне Петровне кто-нибудь из ее сынков-алкашей принесет воды?

ПАУЗА.

Слышится шорох листвы и веток. За забором появляется старик.

СТАРИК (*из-за забора*). Миша!

ОТЕЦ. Оу!

СТАРИК. Завтра с часу до пяти отключат воду! Набери про запас!

ОТЕЦ. Спасибо, дядя Сеня!

СТАРИК (*надевая очки, висящие на веревке, присматривается*). А кто это у тебя там?

Узнает Машу и Анну.

СТАРИК (*говорит как с ребенком*). Машенька, неужели ты? (*всплескивает руками*). Я же тебя совсем крошкой помню! Ты к папе в гости приехала?

ДОЧЬ. Да, дядя Сеня, из крошки как на дрожжах вот такая коврижка поднялась и совсем несъедобная.

СТАРИК. Машенька, ну, как ты? Замуж вышла? Дети?

ДОЧЬ (*как бы ожидая этого вопроса, сдержанным тоном*). Нет, не вышла, детей нет.

СТАРИК. Ну, как же, Машенька? Ты с этим делом не тяни! Родители вон, внуков заждались.

ПАУЗА.

ДОЧЬ. Если бы я могла производить детей, как пряничных человечков, я бы целый противень напекла. Грызть-не перегрызть! И вас, дядя Сеня парочкой угостила бы.

СТАРИК. Ну, ладно, ладно, дело молодое, успеешь ещё...

Сосед уходит, тихо бормоча что-то себе под нос.

ОТЕЦ. Что ты одинокому старику такое говоришь? Какие человечки?

ДОЧЬ. Тебе до сих пор кажется, что я всё делаю не так. Да ты не молчи, не стесняйся. Бери молоток и продолжай вбивать в меня слова словно гвозди. С азартом, как ты умеешь! (*Обращаясь к матери*). Мама, всё было очень вкусно.

Дочь демонстративно вытирает неиспачканный рот салфеткой, встает из-за стола, подходит к пеньку, вынимает воткнутый в него топор и лихо начинает колоть дрова.

ОТЕЦ (*задумчиво*). Что же из тебя выросло такое? Ведь всё лучшее отдавали тебе, ты ни в чем не нуждалась, всё лучшее! И занимались тобой и путешествовали, секции разные, кружки и всё-всё. Чего тебе не хватило, чтобы нормальным человеком стать? Что ты все доказываешь кому? Ты же ничегошеньки собой не представляешь!

Дочь продолжает колоть дрова.

ДОЧЬ (*начинает напевать*). Коламбия пикчерс не представляет...

ОТЕЦ (*вымученно*). Идиотка.

ДОЧЬ (*запыхавшись от колки дров, невозмутимым тоном*). Вот, узнаю старину, продолжай, ты должен успеть сказать всё, я ненадолго к тебе.

ОТЕЦ (*кричит*). Чего не хватило?

ДОЧЬ (*продолжая колоть дрова, спокойно*). Любви, наверное, нежности, ласки... Понимания, наконец.

ОТЕЦ (*повторяет как заклинание*). Любви, нежности, ласки, понимания. Любви, нежности, ласки, понимания...

Дочь прекращает колоть дрова, берет полено в руки.

ДОЧЬ. Папа, смотри, какое чудесное полено!

ОТЕЦ. Мне кажется в нем больше человеческого, чем в тебе! Правильно про таких как ты говорят НЕ-ДО-ЧЕЛО-ВЕК! НЕ-ДО-ЖЕН-ЩИНА!

Инфантильная, эгоистичная ДУРА!

ДОЧЬ (*держит в одной руке полено, в другой топор*). Как ты можешь мне такое говорить? Как ты можешь? (*Срывается на крик*) Ведь ты МОЙ ОТЕЦ!

Она бросает на землю полено и отбивает слова топором по пеньку. Вонзает топор в пенек.

ДОЧЬ. ТЫ-МОЙ ОТЕЦ!

Бросает топор на землю.

Ты меня такой создал!? Ты меня воспитал!

ОТЕЦ. Я что-то не то создал. Не того я хотел.

ДОЧЬ (*поднимает упавшее полено, бросает его в сторону отца, едва не попав в него*). Тогда вот тебе, создай что-то по образу своему!

Дочь плачет.

ОТЕЦ. Ты!...

МАТЬ (*перебивая отца*). Замолчи!

(*Дочери*). Доченька, милая моя, не плачь, ты же знаешь, он всегда был таким.

Мать обнимает дочь, отец уходит.

ДОЧЬ. А может быть я недоженщина от того, что я травести и играю мальчишек в ТЮЗе? Пиноккио, Малыш из сказки про Карлсона, но я жду, я надеюсь, что будет настоящая, главная роль, драматическая! Мне нельзя останавливаться, мне нужно работать, работать. Я верю, верю, мне дадут главную роль! Мамочка, почему он так?

Дочь начинает льнуть к матери, её трясет, она поджимает ноги. Мать накидывает на нее плед, заворачивает, как будто пеленает ребенка и начинает укачивать, баюкать.

МАТЬ (*напевает*). Мой котенок дорогой, самый лучший, золотой, мой единственный, родной.

Мать замолкает, они ненадолго замирают, обнявшись. Слышны только редкие всхлипы дочери, наконец, и они смолкают.

Дочь выпутывается из одеяла, встает, забирается под стул, на котором сидит мать, сгибается так, что оказывается в позе эмбриона. Так как дочь в купальнике ощущение, будто она голая.

ДОЧЬ. Роди меня, мама обратно. Не хочу ничего. Зачем я вошла в этот мир? Чтобы страдать!?! Только детство было прекрасным, школа-ад, юность-ад, зрелость-ад, что дальше? Только старость, потери и одиночество. Зачем???. Зачем мне все это? Почему все думают, что рожая детей, они делают их счастливыми? Мамочка! Ты думаешь, я счастлива? (*Отрицательно качает головой*). НЕТ!

Она снова начинает плакать. Мать помогает ей выбраться из-под стула, обнимает дочь, отходит, достает футболку и шорты. Усаживает дочь, надевает на нее футболку и шорты, снова обнимает её.

ДОЧЬ (*отрешенно*). Зачем все это? Я просто хочу быть семенем подсолнуха, чтобы лежать в большом соцветии и смотреть на Солнце. Раскачиваясь на зеленом стебле. И пусть потом меня выпотрошат и выжмут из меня масло.

Дочь вырывается из объятий матери. Выбегает со сцены за кулису.

Мать остается одна, задерживается в раздумье на мгновение и уходит со сцены в противоположную сторону.

Пустая сцена, слышен только шелест листвы, как будто по ней быстро бегут. Затем голос дочери, а потом и мужской голос.

ГОЛОС ДОЧЕРИ. Мужчина! Извините, подождите. Мне нужна ваша помощь.

ГОЛОС ПРОХОЖЕГО. Что случилось?

ГОЛОС ДОЧЕРИ. Пойдемте со мной, пожалуйста.

ГОЛОС ПРОХОЖЕГО. Куда? Мне некогда!

ГОЛОС ДОЧЕРИ. Ну, пожалуйста! Вам ведь ничего не придется делать, даже говорить ничего не надо, просто проводите меня, пожалуйста!

ГОЛОС ПРОХОЖЕГО. Не могу я, на электричку опоздаю.

ГОЛОС ДОЧЕРИ. Это очень важно, понимаете? Не будьте равнодушны, электрички ходят часто.

Дочь начинает плакать.

ГОЛОС ДОЧЕРИ. Я прошу вас, выведите меня отсюда!

ПАУЗА.

Шелест травы под ногами бегущего человека.

ГОЛОС ПРОХОЖЕГО. Стойте! Верните мой рюкзак?

ГОЛОС ДОЧЕРИ. Я только прошу вас проводить меня.

ГОЛОС ПРОХОЖЕГО. Погодите.

Шелест травы под двумя парами ног.

ГОЛОС ДОЧЕРИ (*заискивающе ласково*). Я не воровка, мне очень нужно, чтобы вы меня проводили!

На сцену входят мать и отец. Садятся друг против друга. Молчат.

Мать смотрит на отца пристально, подходит ближе. Рассматривает его, как будто они давно не виделись.

МАТЬ. Ты изменился за эти годы.

ОТЕЦ. Постарел? А ты совсем нет.

МАТЬ. Десять лет – это не срок.

ОТЕЦ. Десять лет! Надо же, как время летит. Столько за убийство дают.

ПАУЗА.

ОТЕЦ. У тебя кто-то есть?

МАТЬ (*задумчиво*). Кто-то.

ОТЕЦ. Спасибо, что с Машкой приехала, я хотел тебя увидеть. Могли бы и раньше встретиться, но...

МАТЬ. Повода не было.

ОТЕЦ. Да, смерть – хороший повод, беспроигрышный.

ПАУЗА.

ОТЕЦ. Мама тебя любила.

МАТЬ. А ты?

ПАУЗА

Дочь появляется на сцене с рюкзаком незнакомца. Тяжело дышит. Следом появляется молодой высокий мужчина. Он растерян. Протягивает руку, чтобы забрать из руки девушки свой рюкзак. Она протягивает ему рюкзак. Он берет его за лямку и собирается уйти, но девушка не отпускает вторую лямку.

Мать и отец сидят за столом. На столе нетронутая еда. Так никто и не поел.

Родители продолжают сидеть за столом с удивлением глядя на пару.

ОТЕЦ (*дочери*). Кто это?

Незнакомец что-то хочет сказать, но Маша его опережает.

ДОЧЬ (*смотрит на незнакомца*). Это? Аааааа... у него нет имени.

ПАУЗА.

Незнакомец с удивлением смотрит на дочь.

ДОЧЬ (*громко, торопливо*). Вот, смотри на него, папа! Сейчас мог бы быть у вас такой сын, мой брат, если бы вы его не убили, такой вот крепкий высокий и красивый! Вот был бы продолжатель рода вашего, вы сами не захотели! Чего испугались? Времени не было? Хлеба ему не хватило бы? Вон сколько еды у вас, никто не притронулся к ней! Никто твой хлеб не ест!

Папа! Вот почему не будет продолжения рода! Вот кто был бы продолжателем! Он мне снится. Я его так ждала брата, так хотела, чтобы не быть одной, чтобы брат был моим защитником, другом. А я знаю, вы на

самом деле спасли его от страданий! Правильно, ему бы было плохо, как и мне. Пусть лучше только мне плохо, пусть только я страдаю за двоих.

Родители продолжают сидеть неподвижно, смотрят то на дочь, то на незнакомца. Немая сцена.

Дочь знаком показывает незнакомцу, чтобы он сел за стол. Он недоумённо смотрит на нее, дочь кладет руки ему на плечи, давит на плечи, незнакомец, оторопев от неожиданности, безвольно садится напротив родителей за стол.

ДОЧЬ (*матери сдавленно*). Дай ему хлеба.

Мать сидит неподвижно, смотрит то на дочь, то на незнакомца.

ДОЧЬ (*спокойно повторяет*). Мама, дай ему хлеба, пожалуйста!

Отец, поставив локоть на стол, прикрывает лоб и глаза ладонью.

Мать автоматически, как под гипнозом протягивает кусок белого хлеба незнакомцу.

Незнакомец молча принимает хлеб. Сидит так несколько секунд, смотрит на мать. Медленно подносит кусок ко рту, откусывает, медленно жуёт. Мать продолжает смотреть на то, как он ест хлеб. Он откусывает, прожевывает, снова откусывает.

Родители молча смотрят на то, как незнакомец ест хлеб.

Мать торопливо начинает придвигать к нему все блюда, которые стоят на столе, не отрываясь, глядя ему в глаза. Прохожий продолжает есть хлеб, не притрагиваясь к остальной пище. Все молча наблюдают за ним.

Прохожий доедает кусок хлеба, встает из-за стола.

ПРОХОЖИЙ (*матери*). Спасибо.

Мать молчит и смотрит на него.

ДОЧЬ (*матери*). Он сказал: спасибо, мама.

Прохожий поворачивается и уходит, не дождавшись ответа.

Мать выходит из-за стола и направляется к незнакомцу, настигает его, когда тот в шаге от того, чтобы покинуть сцену. Она берет его за руку, разворачивает к себе и падает перед ним на колени, начинает плакать, держась за его ногу. Незнакомец пытается поднять женщину с колен. Отец идет к ним и начинает отгаскивать от незнакомца плачущую мать. Ему это удается, он уводит её со сцены в дом.

МАТЬ (*плачет и кричит*). Мальчик мой! Мальчик мой!

Незнакомец уходит со сцены в противоположную сторону, все время оборачиваясь.

На сцене остается одна только дочь, она садится на пол и обнимает колени руками, утыкается в них лицом. Из дома слышен плач матери.

Свет гаснет.

***

В каждом окне всю семью. Внизу в правом окне - мать, в левом - отец, наверху дочь. Сидят, молчат.

Дочь свешивается из окна мансарды и заглядывает в нижнее окно, в котором сидит мать. Дочь исчезает из окна и возвращается с веревкой и большим красным цветком. Она привязывает веревку к цветку и спускает его вниз.

Цветок опускается на подоконник, ложится рядом с рукой матери. Она на него не реагирует. Дочь снова исчезает из окна и появляется с канатом в руке, который она крепко к чему-то в комнате привязывает. Затем спускается по нему вниз, свешивается перед лицом матери головой вниз. Мать смотрит на нее и отворачивается. Дочь делает несколько акробатических упражнений.

ДОЧЬ. Под куполом цирка, будет исполнен смертельный номер!

Проделав сложные упражнения, дочь спрыгивает с каната. Смотрит в окно с улицы. Мать встает и уходит от окна вглубь комнаты.

ДОЧЬ. Mamочка, прости меня, я заигралась совсем. Прости меня, пожалуйста, я тебя очень люблю! Ну, обними меня!

Мать не реагирует.

ДОЧЬ. Mamочка, ну, что мне сделать? прыгнуть со скалы, совершить акт самосожжения? Растереть себя в крошку и посыпать сахарной пудрой? Что мне сделать? Mamочка!

Мать не смотрит на дочь.

ДОЧЬ. Мама, пожалуйста, прости. Я - дура. Я - чудовище. Я не знаю, что на меня нашло. Дух противоречия. Ты же меня знаешь. Я потом хотела тебя обрадовать по-настоящему, не хотела заранее, а он начал на меня давить. Я тебя обрадовать хотела, потому что мы с Никитой решили пожениться!

Мать появляется в окне. С интересом смотрит на дочь.

Дочь отворачивается от окна, поворачивается к зрителям. Отходит от дома.

ДОЧЬ. С ним кое-что произошло. Ну, я не хотела говорить тебе, не хотела, чтобы ты беспокоилась, расстраивалась. Он мне рассказал, что видел свою СМЕРТЬ. Он сказал, что видел глаза смерти. Когда на него на огромной

скорости мчался автомобиль! Эти глаза были, конечно, глазами того сумасшедшего, который был за рулем. Ну, конечно, это были глаза человека, в которых отразилась СМЕРТЬ! И эти глаза были так близки, что можно было разглядеть цвет радужки, она была черной. Но он успел увернуться, и этот сумасшедший пролетел мимо и врезался в дерево. Когда Никита подбежал к нему, глаза водителя были открыты, но они были мертвы. Они смотрели из пустоты. И мне он потом сказал, что в тот миг, когда он увидел свою СМЕРТЬ, а потом смерть того, кто промчался, он тогда понял, что это страшно - ничего после себя не оставить. Ничего. Мгновение и пустота. И просто ветер колышет листву. И не было никакого смысла в этом земном существовании. *(Повышая голос, торжественно)*. И он сказал, что хочет, чтобы у нас были дети!

ПАУЗА.

Отец и своего окна выпускает конфетти из хлопушки и начинает аплодировать.

ОТЕЦ. Bravo, bravo, bravo!

Дочь кланяется.

МАТЬ *(не обращая внимания на выходку отца)*. Каждый доходит до истины по-своему. Кому-то нужна трагедия...

ДОЧЬ. Ну, вот, ты рада, наконец!?

Дочь целует мать.

ДОЧЬ. Прости меня.

ОТЕЦ. Почему же не сказать было об этом раньше, зачем надо было устраивать шоу? Мать до слез доводить?

ДОЧЬ. Это шоу специально для тебя было.

ОТЕЦ. Не верю! Ты не актриса, ты – чудовище!

ДОЧЬ. Мы с тобой одного вида. Человекообразные чудовища, пожирающие друг друга.

ОТЕЦ. Меня тошнит от одного твоего вида.

Отец уходит вглубь комнаты, исчезает из окна.

ДОЧЬ (*кричит вслед*). Не ешь.

Дочь уходит со сцены.

Дочь одна на сцене.

ДОЧЬ. Так, надо готовиться к семейной жизни и надо все же перекусить.

Дочь выносит на улицу шарик из теста, скатанный ею заранее и записную книжку бабушки.

ДОЧЬ. Ну, вот два часа прошло.

Она раскрывает книжечку, читает.

ДОЧЬ. Раскатай шарик в пласт толщиной 5мм, посыпая скалку мукой, если тесто начинает липнуть. Формочками вырезай фигурки. Форм нет, буду вырезать их ножом.

На экране проекция. Дочь вырезает из раскатанного теста силуэты человечков, подравнивает края, но случайно отрезает голову человечку. Досадует, присовокупляет его останки к общей массе оставшегося теста, мнет шарик в руках. Выкладывает человечков на противень. Уходит в дом с противнем. Качает противень как колыбельку с ребенком.

Мать подходит к забору, разделяющему два участка.

МАТЬ. Дядя Сеня! Дядя Сеня!

ТИШИНА.

У забора появляется старик.

МАТЬ. Дядя Сеня, идите к нам ужинать, Тамару Викторовну помянем.

Старик качает головой в знак согласия и уходит.

Появляется старик. Все рассаживаются за столом.

Сидят за накрытым столом.

ОТЕЦ (*поднимает рюмку*). Давайте помянем бабушку. Пусть ей будет там лучше, чем здесь.

ДОЧЬ. Пусть ей будет там лучше, чем нам здесь.

Все вслед за отцом поднимают рюмки.

ДОЧЬ (*обращаясь к отцу*). Давайте не будем ссориться, мы приехали помянуть бабушку.

ОТЕЦ. Она в последнее время особенно много говорила о тебе. Всё беспокоилась, что наш род прекратится. Поэтому сегодня так много мы говорим об этом. Наверное, это не правильно. Пусть идет все так, как идет. Но теперь, когда мы знаем, что ты выходишь замуж, бабушка там тоже порадуетя.

СТАРИК (*берется за воображаемый козырек*). Тамара Викторовна!

Он поднимает вверх рюмку и выпивает ее содержимое.

СТАРИК (*нанизывая на вилку огурчик*). В этом случае успокаивает только то, что душа бессмертна, значит, все равно даже с прекращением рода душа остается жить.

ОТЕЦ. Я не хочу об этом думать. Я живу здесь и сейчас, а что будет после, никто не знает. Может, и нечего не будет.

ДОЧЬ. О душе надо думать.

ОТЕЦ. Начни с себя.

ДОЧЬ. А у меня однажды осознание было. Поразила меня мысль. А ведь мы узнаем истину только в момент смерти! Но мы впервые за всю прожитую жизнь узнаем истину именно в самом конце жизни. И мне так любопытно стало узнать её. И так стало интересно, что смерти перестала бояться.

СТАРИК. Маша, вот в этом ракурсе ты - вылетающая бабушка! Смотрю на тебя и поражаюсь! Как будто она сидит!

ДОЧЬ. А хотите спросить ее о чем-нибудь?

СТАРИК. Как вы там?

ДОЧЬ. Нет, погодите.

Дочь кивает, встает и уходит в дом.

СТАРИК (*отцу*). Маша очень похожа на бабушку.

Отец кивает. Из дома появляется дочь. На ней красное длинное платье, оно больше на пару размеров. На голове шляпа, губы накрашены помадой красного цвета.

ДОЧЬ (*изменяя голос, с этого момента она будет говорить именно так*). Да, Арсений Григорьевич, у Маши мои гены. Гены русской интеллигенции.

СТАРИК. Да, провалиться мне на этом месте! Тамара Викторовна!

Он смеется.

ОТЕЦ (строго). Маша!

СТАРИК. Миша, подожди. (*С восхищением*) Как похожа!

ДОЧЬ (*поднимая бокал*). За вас, мои дорогие! Люблю вас!

Она выпивает вино. Отец не пьет.

Дочь подходит к проигрывателю, пытается включить его.

ДОЧЬ. Проигрыватель не работает. Была бы бабушка, он как миленький заиграл бы! (*Старику*) Давайте нашу любимую споем!?

Отвари потихоньку калитку и войди в тихий садик, как тень.

СТАРИК. Не забудь потемнее накидку, кружева на головку надень.

Дочь наливает всем вино.

ДОЧЬ. Давайте выпьем за жизнь, потому что смерти нет!

Она поднимает бокал и сама же выпивает его содержимое.

ДОЧЬ (*отцу*). Мой дорогой!

Дочь подходит к отцу, обнимает его.

ДОЧЬ. Милый, ненаглядный, любимый мой!

Отец хочет высвободиться из объятий, но не делает этого.

ДОЧЬ. Самый лучший на свете! Медвежонок мой!

Услышав слово «медвежонок» отец обнимает дочь, утыкается ей в плечо.

ДОЧЬ. Ну вот, так-то лучше. А помнишь, как ты заболел скарлатиной и мы повезли тебя на дачу. А ты говорил, что если тебе немедленно не привезут соседа Пашку, ты погибнешь от сыпи. А у Пашки есть волшебный порошок из растолченной сухой лапки лягушки.

Отец смеется сквозь слёзы.

ДОЧЬ. А помнишь, как ты хоронил муравья, связал из палочек крест и поставил на могильный холмик. Торжественную речь произносил.

Отец улыбается, качая головой воспоминаниям.

ДОЧЬ (*снова говорит своим голосом и отходит от отца*). А маме крест не поставил, задавил просто надгробной плитой.

Отец смотрит на дочь. Та снимает шляпу, бросает ее на стул. Стирает, размазывает рукой помаду.

ДОЧЬ. Да, нет, нет мамы!

Отец резко встает и быстро уходит со сцены.

СОСЕД. Ну, мне пора.

Сосед встает и, откашливаясь, собирается уходить.

ДОЧЬ. Ой, чуть не забыла! Погодите, дядя Сеня!

Она убегает в дом.

Прибегает с противнем, на котором лежат выпеченные пряничные человечки. Быстро одной рукой раздвигает посуду, ставит противень на стол. Берет тарелку, обжигая пальцы, бросает на нее с противня трех человечков. Протягивает тарелку старику.

ДОЧЬ. Обещанные пряничные человечки. Пока я только таких могу произвести.

Старик берет тарелку, кивает и уходит, задумчиво уставившись в тарелку.

Мать ставит на поднос грязную посуду и молча уходит в дом.

Появляется отец. Он берется за ручку двери, чтобы войти в дом.

ДОЧЬ (*отцу*). Да, чуть не забыла. И никакого Никиты нет, нет никаких планов «на будущее», не будет потомства! Не будет никакой свадьбы, потому, что это глупо делать так, как принято, когда никакой потребности в этом нет! Никто никого не любит, никто никому не нужен! Мне плевать на ваши

установки! Рожаете детей, и требуете от них уважения и любви, а сами то, что даете взамен? Жизнь? Попрекаете потом всю жизнь за эту жизнь!

Бессмыслица, глупость, большинство просто существует, ходят просто, топчутся по этой земле и гадят, гадят, потом рожают, потом снова гадят.

Она подходит к поленнице, берет полено, начинает его пеленать. Запеленав, качает.

ДОЧЬ. ААА-ААА-ААА.

(Подходя к отцу). Вот тебе. Не хочешь покачать?

ОТЕЦ. Что ты делаешь?

ДОЧЬ. А что вы делаете, что вы меня мучаете? Что вы от меня все время хотите-то? То чтобы я уважала, то, чтобы я рожала, то, чтобы я делала так, как вы говорите. Что ты от меня хочешь? Чтобы я зачала сейчас?!

Она кладет завернутое в платок полено на пенек рядом с топором и уходит.

Дочь несет кусок ватмана и фломастеры, раскладывает все на полу, садится рядом с ватманом. Начинает что-то писать губной помадой, зрителю не видно, потому что бумага лежит прямо на сцене. Закончив, она начинает красить губы, очень ярко красит глаза. Надевает туфли на каблуках и так как есть в шортах и футболке поднимает ватман с пола. На ватмане большими буквами написано:

ХОЧУ ЗАЧАТЬ РЕБЕНКА!

Она прошаживается по сцене, как по подиуму с этой табличкой, то поднимая ее над собой, то держа ее сбоку как на соревнованиях по боксу. Спускается со сцены к зрителям подходит к зрителю в первом ряду.

ДОЧЬ. Как я вам? А может? Давайте?

Глазами обводит зал. Подходит к мужчине, рядом с которым сидит женщина, она делает рукой знак дочери, чтобы та отошла.

Дочь жестами извиняется. Идет к другому мужчине, садится к нему на колени.

ДОЧЬ. Всё правильно, сначала надо узнать друг друга ближе, возможно, даже полюбить. Ну, на всякий случай. Эти слова так созвучны: случай, случка, сучка.

Встает. Обращается к публике.

ДОЧЬ. Мужчины, мне нужен ребенок? Ну, вот так надо (*показывает на горло*), позарез папе с мамой хочется понянчиться. Только мне надо не просто вот так зачать, а прямо, чтобы мужчина взял на себя ответственность, я одна не смогу, у ребенка должен быть заботливый отец.

(*Обращается к мужчине*). Вот вы, мужчина, у вас глаза добрые, хотите, я вам ребеночка рожу? У вас есть уже? Ладно.

(*Обращается к другому мужчине*). А вы, мужчина? Вы вот мне нравитесь! Хотите? Не хотите детей? Вообще? Не любите? Понятно. Ну, для таких как вы, женщины придумали способ. Таким как вы они говорят, что получилось случайно. Потом, правда женщины удивляются, почему отцы не любят своих детей, не платят алименты и вообще никак не участвуют в их судьбах. Но они же предупреждали, что не хотят, честно предупреждали. В общем, потом не надо удивляться тому, что отец не хочет знать своё случайное чадо. И не надо перед его лицом кадило раскачивать, к совести призывать. Не хотел, не собирался, не планировал. Какое право ты, баба, имеешь навязывать свою волю? Потому, что в нашем обществе не умеют люди уважать выбор другого человека. Каменный век. Всё на инстинктах.

Потому я спрашиваю, кто хочет?!

(К публике). Извините, конечно, что так вот нападаю на вас. Не возможно же так просто решиться на столь серьезный шаг, ничего не узнав обо мне. Я человек надежный, ну, да характер сложный, конечно. Но я ответственная, порядочная, чистоплотная. Что из плюсов? Ну, зарабатываю немного, но, на жизнь хватает. Здорова вполне, образована, книжки до сих пор читаю, классику люблю. Веселая, некапризная, не меркантильная. И вот что важно, уважаю выбор других людей! Поэтому все только с согласия обоюдного.

Уходит из зрительского зала, поднимается на сцену.

ДОЧЬ *(отцу)*. Нет. Никто не хочет. Ничего не выходит, видишь? не получается. Здесь что-то еще нужно. Чего-то не хватает.

Дочь начинает обнажаться. Снимает футболку, затем шорты, остается в купальнике.

ОТЕЦ. Ну, это уж слишком!

Отец встает и уходит.

Дочь остается на сцене одна и начинает прохаживаться в купальнике.

ДОЧЬ *(обращается к залу)*. А так? Так лучше?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Ты совсем плоская, бедра узкие. Не подходишь на роль матери. Законов не чтешь, родителей не уважаешь, сама не знаешь, чего хочешь! Просить нужно то, что действительно хочешь. Стоишь как Петрушка ярморочный.

Девушка растерянна, всматривается в зрительный зал. Щурится.

ДОЧЬ *(начинает декламировать стих)*. А вот и я, клоунесса!

Или как там вы меня называли?

С рисованной гримасой на усталом лице.

Отражаюсь в блике автомобильной трассы,
утопленником плыву по Нилу,
а может быть, в Ганге давно разлагаюсь
под солнцем палящим, под старым матрацем.

Фиалку в гербарий, а лилию в вазу,
А может быть, сразу на герб Парагвая?

Послушному рая, однако, мне рано,
спроси Магомеда о смысле Корана.

Дойти б до дивана, а там до Ирана рукою подать.

Прошу подаянья - не смей отказать!

На сцену поднимается высокий мужчина. Подходит к ней ближе. Она
замирает.

ДОЧЬ (*удивленно*). Женя?

ЖЕНЯ (*поднимаясь на сцену, хлопает в ладоши*). Как же тебе отказать?

ДОЧЬ. Как ты здесь оказался?

ЖЕНЯ. Соскучился, десять лет не виделись ведь. Знаю, что ты в июне всегда
приезжаешь в город.

ДОЧЬ (*удивленно*). Приезжаю. Как ты? Семья, дети?

ЖЕНЯ. Семья, дети.

Выходит отец. Видит Женю. Останавливается, смотрит на него.

ЖЕНЯ. Здравствуйте.

Отец не здороваясь, нервно проходит мимо и удаляется со сцены.

ДОЧЬ. Это всё он.

ЖЕНЯ. Не перекладывай своё решение на чужие плечи.

ДОЧЬ. Он запретил.

ЖЕНЯ. Ты разбила мне сердце, не он.

ДОЧЬ. Он запретил.

ЖЕНЯ. Ты была совершеннолетней.

ДОЧЬ. Летней.

ЖЕНЯ. Бегали бы сейчас по этой дорожке наши дети.

Дочь, как будто, вспомнив о чём-то

ДОЧЬ. А знаешь,хвати своим ребятишкам печенюшки.

Она кладет в салфетку пряничных человечков. Отдает Жене. Он заглядывает в салфетку.

ДОЧЬ. Сама сделала.

ЖЕНЯ. Спасибо! На тебя похожи. Такие же загорелые с краями неровными.

Из зала поднимается Прохожий, которого дочь представила родителям как не рожденного брата.

Дочь с удивлением смотрит на него.

ПРОХОЖИЙ. Я вернулся. Все думал о вас. Я даже не знаю ваших имен. Знаю только мать, отец и дочь. И даже не семья - осколки. Вернулся, не мог забыть, что ты говорила своим родителям. Не мог забыть глаза твоей матери, её слезы.

ДОЧЬ. А ты думаешь, что она тебя увидит, и начнет улыбаться? Я тебя не звала. Ты эпизодический персонаж. У тебя даже имени нет. Тебя вообще нет!

ПРОХОЖИЙ подходит вплотную к девушке. Берет ее за руки, притягивает к себе.

ПРОХОЖИЙ. Я - есть. Я - плоть и кровь. А ты решила меня эпизодическим сделать? Я хочу играть главную роль! Сейчас пойду к твоим родителям и скажу, что хочу быть их сыном. Что люблю их и хочу быть с ними.

ЖЕНЯ. Эй, как тебя там, вали отсюда!

ПРОХОЖИЙ. Я не к тебе пришел.

ЖЕНЯ. А шёл бы ты лесом!

ПРОХОЖИЙ. Я лесом и шёл.

ЖЕНЯ (*обращаясь к Маше*). Этот тоже из твоей пьесы? Безымянный, эпизодический. А у меня какая роль была? Донора? Мне нужно было отдать своё сердце? Порезать его на части и скормить тебе?

А давай мы сейчас с этим безымянным сыграем что-нибудь для тебя!

ПРОХОЖИЙ. А давай я тебе по морде сыграю?

ЖЕНЯ. Попробуй.

Они идут навстречу друг другу.

ДОЧЬ. Итак, сцена первая. Встреча.

Мужчины продолжают идти на встречу друг другу. Останавливаются. Смотрят друг на друга.

ДОЧЬ. Стойте, ничего не получится.

ЖЕНЯ. Это почему?

ДОЧЬ. Потому что тебя нет. Ты ничего не можешь сделать ему. Ты прошлое, а прошлого нет. *(обращается к безымянному)* И ты, как там тебя? Тебя тоже нет потому, что ты вообще не родился! Ты в абортарии остался крошечным кровавым комочком.

ЖЕНЯ. А вот если прошлое сделает вот так?

Женя наносит сокрушительный удар Прохожему кулаком в лицо. Прохожий падает. Поднимается. Опускает голову отходит от обидчика. Начинает тихо плакать, растирая кровь по лицу.

ПРОХОЖИЙ. Мама, мамочка, я не хочу быть пустотой, и кровавым комочком не хочу!

Дочь подходит к нему, склоняется над ним, вытирает кровь.

ПРОХОЖИЙ. Нет, маме со мной будет лучше, чем с тобой. Я ей подарю внуков. Мальчика и девочку.

ДОЧЬ *(примирительно)*. Послушай, тебя как зовут?

ПРОХОЖИЙ. У меня нет имени. Мама сама решит, как меня назвать. Вместе с папой решит.

ДОЧЬ. Не говори ерунды.

ПРОХОЖИЙ. А что если я сейчас маму твою поищу. И скажу, что я скучал и что я хочу быть им сыном.

ДОЧЬ. А они скажут, что у них нет сына, у них есть дочь любимая Машенька.

ПРОХОЖИЙ. А я скажу, что дочь эгоистка и злая. А я хороший. И я хочу быть их сыном. У меня никого нет, и любовь моя не растрочена. И скажу, что они думали, что я умер, а я живой. И я их полюбил и простил.

Подходит Женя и замахивается на Прохожего, но получает сильный удар в лицо. Прохожий начинает методично избивать Женю.

ДОЧЬ. Перестань, ты убьешь его! Оставь его!

ПРОХОЖИЙ (*сквозь зубы*). Прошлое нельзя убить. Его можно только забыть.

Дочь пытается растащить мужчин, но тщетно.

Женя вырывается и убегает.

ПРОХОЖИЙ. Нет больше прошлого.

ДОЧЬ (*испуганно, заискивающе*). Слушай, извини, что я тебя втянула в наши отношения. Я это зря сделала. Это глупо, неправильно, я не должна была так поступать. Ты прав, это эгоистично и жестоко. Я раскаиваюсь.

ПРОХОЖИЙ. Что сделала, то сделала, ничего не попишешь. Ты уже впустила меня в свою семью. Остается только принять меня.

ДОЧЬ. Ну, хватит, перестань. Пожалуйста, уходи.

ПРОХОЖИЙ. Я пришел увидеть маму.

Дочь берет за руку прохожего и пытается отвести его за кулису, но тот ни с места. Она начинает его колотить в грудь кулаками. По лицу прохожего размазана свежая кровь.

ДОЧЬ (*шипит, пачкает руки в крови Прохожего, оставляя кровавые следы на своей шее*). Уходи, я сейчас позову отца и скажу, что ты на меня напал.

Прохожий отходит от Маши.

ДОЧЬ. Что мне сделать, чтобы ты больше не появлялся здесь?

ПРОХОЖИЙ. Ничего. Я не уйду.

ДОЧЬ. Я милицию сейчас вызову.

ПРОХОЖИЙ. Как хочешь.

ДОЧЬ. Пойдем отсюда, поговорим.

Она обнимает прохожего, прижимается к нему. Тянется, чтобы поцеловать в губы. Он отстраняется от неё.

ПРОХОЖИЙ. Эй, давай обойдемся без инцеста. Ты так хочешь от меня избавиться?

Дочь проводит рукой по его голове и притягивает его к себе. Она целует его. Взяв его за руку, она уводит его со сцены.

ГОЛОС ДОЧЕРИ. Поцелуй меня. Дай-ка я сниму с тебя футболку. Пойдем подальше.

Слышен шелест травы.

На сцене появляется мать. Она выходит из дома. Отец подходит к ней. Обнимает ее за плечи.

Мать отстраняется от него.

МАТЬ. Не надо.

ОТЕЦ. Я просто хочу обнять тебя.

МАТЬ. Это лишнее.

ОТЕЦ. Ты всегда была минималистом. А доченька максималист. Снова шоу устроила. Беспрецедентное.

МАТЬ. У тебя всегда было слишком много претензий к ней.

ОТЕЦ. А ты слишком её опекала.

МАТЬ. А ты хотел, чтобы она скорее повзрослела.

ОТЕЦ. А ты до сих пор не понимаешь, что она взрослая.

МАТЬ. Ты был занят собой, а не дочерью и не заметил, как она выросла.

ОТЕЦ. А ты слишком много времени ей посвящала.

МАТЬ. А ты...

Появляется дочь. Через несколько секунд, следом за ней появляется прохожий. Мать встает со стула, смотрит на них. Отец подходит к дочери и ударяет ее по щеке. Прохожий хватается за руку отца. Отец вырывает руку и ударяет прохожего.

ОТЕЦ. А ну, пошли отсюда, оба.

Он выпихивает их со сцены. Дочь быстро убегает, плача. Прохожий только защищается, прикрывая лицо руками.

ПРОХОЖИЙ (*на ходу*). Она здесь не при чем, я решил вернуться, не мог вас забыть. Просто хотел снова увидеть. Не бейте.

Мать подбегает к отцу и отстраняет его от прохожего.

Отец останавливается. Прекращает выпихивать со сцены прохожего.

МАТЬ (*прохожему*). Зачем вы пришли?

ПРОХОЖИЙ. Я хочу, чтобы вы просто дали мне имя, мне больше ничего не надо.

МАТЬ. Разве у вас нет имени?

ПРОХОЖИЙ. Я хочу, чтобы вы мне дали имя.

МАТЬ. Александр подойдет?

ПРОХОЖИЙ. Да. Очень хорошее имя. Можно я останусь?

Они смотрят друг на друга.

Отец подходит и ударяет прохожего по щеке наотмашь.

ОТЕЦ. Может, хлебушка ещё?

Отец подходит к прохожему и снова бьет его. Мать подбегает и закрывает собой прохожего.

Мать начинает плакать.

МАТЬ. Не бей его!

ОТЕЦ (*обращаясь к прохожему*). Так может, еще хлеба?

ПРОХОЖИЙ. Спасибо, я сыт.

ОТЕЦ. Бокал вина?

ПРОХОЖИЙ. Я не пью.

ОТЕЦ. Нет, давай все же выпьем.

Отец берет со стола бутылку с вином, отхлебывает прямо из горлышка, выплескивает вино в лицо прохожему.

ОТЕЦ. Пришел поизмываться над женщиной?

Достает платок из кармана подает матери, чтобы она вытерла слезы. Мать берет платок. Начинает плакать сильнее, но слезы платком не вытирает.

МАТЬ. Я не хочу, чтобы мне каждый раз подавали платок!

Она садится рядом с прохожим, вытирает кровь с его лица платком.

Он берет у нее платок и выбрасывает его в сторону или прячет в карман.

ПРОХОЖИЙ. Никто не подаст больше платка, я жив, и теперь у меня есть имя. Теперь все будет хорошо.

Мать уходит со сцены вместе с прохожим.

Отец сидит один. Появляется дочь, видит его одного, молча идет к входной двери. Отец поднимается.

ОТЕЦ. Доченька!

Но дочь уже хлопает дверью, скрывается в доме.

Отец подходит к открытому окну.

ОТЕЦ. Доченька, прости! Я думал, ты специально привела этого парня! Это было бы жестоко. Я не знал, что ты здесь не при чем...

Дочь не отзывается. Отец отводит занавеску в сторону. Открывается непроницаемое лицо дочери, во время извинений отца она стояла за занавеской лицом к лицу с отцом. Так что, отодвинув занавеску ощущение, что его лицо отразилось в зеркале. Теперь они стоят, смотря друг на друга.

ОТЕЦ. Прости, что ударил тебя. Этого нельзя было делать. Я был не прав, не сдержался.

Дочь молчит. Отец отходит от окна.

ДОЧЬ. Не надо скромничать. Тебе ведь многое позволено. Ты как Хронос избиваешь своих детей, чтобы они не свергли тебя.

ОТЕЦ. Ну, что ты, такое говоришь, девочка!?

Она выходит из дома и проходит мимо него. Задевает колокольчик головой, злобно срывает его и зашвыривает вдаль.

ДОЧЬ (*злобно, толи отцу, толи колокольчику*). Молчи, надоел!

ОТЕЦ. Прости, не сдержался, я не должен был этого делать. Я никогда не бил тебя. Что же поделать? Эмоции.

Он идет в сторону, куда дочь зашвырнула колокольчик. Нагибается, находит его, поднимает. Снова закрепляет его над дверью.

ДОЧЬ. Не можешь сдерживать эмоции, не контролируешь себя, стареешь. Раньше ты никогда не извинялся.

ОТЕЦ. Старею.

ДОЧЬ. Ты старый и смерти боишься, боишься умереть навсегда, потому что никто не останется тут с твоими клетками ходить-бродить по этой земле, с генами твоими. Потому что я тоже УМРУ... И всё!

(Торжествующе) Все закончится! Не будет никакого продолжения, на таких как ты, все должно закончиться! Не надо продолжать!

ОТЕЦ *(громко)* Прекрати!

Дочь осекается, замолкает.

ДОЧЬ. Ненавижу тебя, слышишь!? Я прекращаю твой род! Ничего не будет, никого не будет у тебя, я последняя, все, конец, занавес! Больше не спрашивай меня, когда у тебя будут внуки! Никогда! Подумай, почему так? Страшно? Никого не оставить после себя. А мне не страшно, я торжествую! Я тебе за все отомстила, за все унижения, за все обиды, за то, что ты во мне любовь к себе убил!

ПАУЗА.

Предатель! За то, что ты из меня вылепил суку, которая никогда не ощенится. Я не хочу видеть твои черты в своих детях!

Она берет с подоконника круглое зеркало, подходит вплотную к лицу отца.

Его лицо отражается в зеркале. Она с силой бросает зеркало за кулису, слышен звук разбившегося стекла.

ДОЧЬ (*очень спокойно, даже ласково с легкой улыбкой*). Так и знай, тебя больше нет!

Отец резко оседает, медленно, плавно спускается вниз по стене. Сидит как тряпичная кукла, облокотившись о стену дома, растерянный взгляд.

Дочь в испуге падает на колени перед отцом.

ДОЧЬ. Папа, папочка!

Она отбегаёт к столу, наполняет стакан водой, бежит к отцу, садится рядом, отец опирается одной рукой о землю, другой держит дочь за руку. Дочь подносит стакан к его губам, отец не пьёт.

ДОЧЬ (*тараторит*). Папа, папочка, милый, прости! Я люблю тебя! Прости, родной! Все не так, как я тебе говорила. Я не нарочно, просто никто не захотел от меня детей. Космоса не произошло, понимаешь? Ни один мужчина не сказал мне: любимая, я хочу от тебя ребенка! Я не знаю, может, со мной что-то не так, сбой какой-то в программе. Я хотела, хотела, но не получилось! Прости!

ОТЕЦ (*тихо*). Мария!

ДОЧЬ. Да, я с тобой, папа, не бойся, может еще произойдет чудо? Может, во мне зародится жизнь?!

Она его обнимает, плачет. Они сидят так, что приходит на ум картина Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван».

ДОЧЬ. Не бойся, всё еще может произойти.

От ветра тихо начинает позвякивать колокольчик над дверью. Дочь прислушивается.

ДОЧЬ. Я попрошу, позову, ты только не уходи! Будь здесь, со мной.

(Продолжая обнимать отца, подняв голову вверх и обращаясь к кому-то невидимому, но незримо присутствующему). Сын!

Я так хочу почувствовать тебя под своей диафрагмой!

Я чувствую, что ты где-то есть в моем сознании, в космосе, в мечтах... Ты, наверное, не очень хочешь входить в этот мир, зная заранее, что все мы вошли в него, чтобы страдать!

Хочешь ли ты страдать вместе с нами?

ПАУЗА. Слышен только легкий звон колокольчика.

ДОЧЬ. А может быть, ты будешь счастливым?

Я бы хотела, чтобы ты был счастлив!

(Кричит). Мальчик!!!

Приди в этот мир!

Снова слышится звон колокольчика.

ДОЧЬ. Будь моим сыном! Будь моей радостью! Будь моей жизнью!

Будь моим бессмертием!!!

Слышно шуршание виниловой пластинки, затем музыка и голос Вертинского:

Мне приснилось, что сердце моё не болит,

Оно - колокольчик фарфоровый в желтом Китае.

На пагоде пестрой висит и приветно звенит,

В эмалевом небе дразня журавлиные стаи...

*А кроткая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мысли, без слов,
Внимательно слушает легкие, легкие звоны.*

Занавес

2015 год.

Из бабушкиной записной книжки рецептов (с пометкой для внученьки).

РЕЦЕПТ ПРЯНИЧНЫХ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Ингредиенты:

Сахар - 75 г.

Масло сливочное - 125 г.

Яйцо куриное (растереть) - 1 шт.

Мед (можно использовать светлую патоку) - 100 г.

Мука пшеничная (+ мука для раскатки) - 375 г.

Сода - 1 ч. л.

Разрыхлитель теста - 0,5 ч. л.

Корица - 1 ч. л.

Приготовление:

- 1) Взбей миксером сливочное масло с сахаром.
- 2) Взбивая, добавь яйцо. Подмешай мед, взбей до однородности. Просей муку, добавь соду, разрыхлитель, корицу и имбирь. Перемешивай, пока сухие ингредиенты не соединятся с масляным кремом. Теперь вымешивай тесто и делай из него шарик. Обматывай пищевой пленкой, ставь в холодильник на 2-3 часа.
- 3) Раскатай шарик в пласт толщиной 5мм, посыпая скалку мукой, если тесто начинает липнуть.
- 4) Формочками вырезай фигурки.
- 5) Выкладывай человечков на противень застеленный пергаментом и выпекай 10-15 минут при температуре 180 градусов. Оставляй на 5 минут в духовке, затем выкладывай на решётку до полного остывания.
- 6) Вынимай человечков. Украшать можно глазурью, мастикой, сахарной крошкой, да чем угодно!